

ПЕРВЫЕ СЕЗОНЫ

(Окончание.)

Начало на 3 стр.)

обладавшая хорошей спетической внешностью, приятным голосом, умением играть искренне и просто. Любимцем был комик Эрберг. Оперетты с их участием имели шумный успех.

Кроме оперетт, группа, с одобрения своих хозяев, ставила главным образом переводные мелодрамы, удивившие зрителя в сторону от российской действительности, в мир пустых и вздорных страстей, сомнительных любовных переживаний. «Когда б он знал!», «Соль оупружества», «Жозеф-парижский мальчик» — одни только названия показанных здесь говорят о многом.

Словом, за взлетом в первом сезоне последовало падение. Но даже линия на развлечение не увела театр от денежного тулика — ожидаемых сборов не было. После второго сезона для расчетов с актерами не хватало 1.700 рублей. Начальник области поторопился передать беспокойное хозяйство сцены из рук своих полковников в ведение Владикавказских «отцов» города и завалить на них образовавшийся долг.

Последовали упорные поиски денег на содержание прогоравшего театра. Выпустили акции, чтоб передать все дело в частные руки, собрав таким образом 5 тысяч рублей, но они не спасли положения. Как свидетеляствуют архивные документы, за сезон 1873—74 годов образовался дефицит уже в 2.600 рублей. Его пришлось покрывать за счет экстренных сумм начальники области. Театральные горе-дяди и актеры, чтоб как-то выжить из затруднительного положения, заезжали богатые дома в выключившая там деньги заaborованные ложи и места в партере.

Но так или иначе театр существовал, он пробивал себе

дорогу вперед, отстаивая свое высокое назначение в непрестанном схватках с безденежьем, со вкусами «избранной» публики.

...В новом сезоне — 1873—74 годы — сцена была вновь отдана оперетте. Местная труппа поставила почти все модные оперетты того времени — 20 премьер за сезон: «Синюю бороду» Offenbacha, «Чайный цветок» Лекко и многие другие. Постановки, видимо, не отличались особыми качествами. Печать отмечала, что в них оказалось «много размахистого при очень ограниченных материальных средствах и скромных силах».

Но было в этом сезоне и примечательное, интересное для характеристики города той поры. У владикавказской сцены появилось одно преимущество перед многими другими провинциальными театрами — в городе существовал симфонический оркестр Терского казачьего войска под управлением опытного музыканта и композитора И. И. Фальбы. Оркестр этот стал, по отзывам владикавказцев, украшением театра.

Все оперетты шли в сопровождении сравнительно большого коллектива местных музыкантов, в это, естественно, поднимало художественный уровень спектаклей.

Оркестр Фальбы часто играл в театре и во время драматических спектаклей — в антрактах — это вошло в традицию. Бывало в последующие годы, что опереточные труппы приезжали в город со своими небольшими оркестрами. Местные музыканты непременно включались в них, в печать с похвальной гордостью отмечала, что «теперь музыка звучит гораздо лучше».

В том же сезоне произошло еще одно примечательное обстоятельство. Люди, ждавшие от театра отнюдь не пустых, салонных и пошлых музыкальных комедий, стали

проявлять законное недовольство. Их поддержала и газета, заявив, что публика «ждет постановки серьезных пьес русской классики — Гоголя, Грибоедова, Островского, что она уже сыта по горло лезгочесными сценическими развлечениями».

Оперетта не исчезла из репертуара очередного сезона, но шла уже гораздо реже в сопровождении... продолжавшихся критических замечаний в печати. Нет, мы не против смеха на сцене, — писали рецензенты, несомненно любившие театр и понимавшие его общественное значение, — но мы за смех Гоголя!

В том сезоне, о котором шла речь, не удавалась оценками опереточные спектакли, журналисты не оставляли без внимания ни одной постановки драм и комедий. А на сцене шли вещи, действительно достойные всяческого внимания и поддержки: «Гроза» и «Лес» Островского. «Разбойники» Шиллера, «Ваал» Писемского.

Каждая из этих пьес способствовала развитию общественного самосознания, разоблачала деспотизм, продажность и безнравственность «темного царства». Пьеса Шиллера учила ценить и любить свободу... В «Грозе» — гневный социальный протест, это произведение стало в свое время предметом страстной полемики, какой еще не знала история русской литературы... Один из героев «Ваала» Писемского предостерегает купцов-капиталистов их судьбу: «Для этих господ скоро придет их час, и с ними, вероятно, расчитаются еще почище, чем некогда расчитались с феодалами!»

Обо всем этом журналисты «Терских ведомостей» открыто писали, конечно, не могли. Их рецензия не отличалась глубиной и ограничивалась, главным образом, оценкой исполнения ролей. Но и в этих оценках, характеристиках спетических

образов проступала правда искусства и правда о жизни, о мрачной российской действительности. Демократический зритель общественно-значимых, художественных пьес многое уже понимал сам и умел читать между строк...

...Сезон, отмеченный серьезным репертуаром и профессиональной актерской игрой, дал небывалый рекордный сбор — 18 тысяч рублей.

А потом — снова невзгоды... Городская управа поручила театальному антрепренеру Федорову сформировать труппу и пообещала ему 3.000 рублей субсидии. Но дела у Федорова пошли так плохо, что в середине сезона он объявил себя несостоятельным и уехал, бросив приглашенных актеров, если и не на произвол судьбы, то во всяком случае на милость дирекция.

Спектакли продолжались, за сезон их было 80. Ставились значительные, интересные пьесы: «Бешенные деньги» Островского, «Ревизор» Гоголя... Но что-то в театре не ладилось, сборы оказались плохими. Впрочем, причины этого выходили далеко за пределы города.

О том времени артист В. Н. Давыдов писал в своих воспоминаниях: «Общее безденежье, однако, сильно сказывалось на театре. В этих городах театры просто пустовали, а финал многих антреприз... разыгрывался в камерах мировых судей».

Общее безденежье... Война с Турцией. Через Владикавказ на фронт потянулись войска, пошли бесконечные обозы с продовольствием и боевыми припасами. Театр два года пустовал. Только изредка здесь ставились спектакли любителей и гастролеров. В запустении пришло в помещение храма искусство.

Так прошло первое десятилетие в истории Владикавказского театра.